

DOI 10.31909/26168820.2019-(41)-14
УДК 82'06

Татьяна САВОСЬКИНА*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДНЕВНИК ГЕРОЯ В СТРУКТУРЕ РОМАНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Стаття присвячена дослідженню жанрових властивостей літературного щоденника героя на матеріалі «Журналу Печорина», включеного в структуру роману М.Ю. Лермонтова «Герой нашего часу». Акцентується увага на специфіці щоденникових записів Печоріна в «Тамані» і «Фаталісті», що виявляється в особливій формі розповіді від першої особи, автобіографічності тексту і документальності викладу. Доводиться, що найбільш повно жанрові можливості щоденника реалізуються в повісті «Княжна Мері». У зв'язку з цим простежується еволюція від ліричного щоденника Лермонтова до поденним записів Печоріна в «Княжна Мері», які відтворюють події в теперішньому часі; актуалізується один з головних жанрообразуючих ознак щоденникової повісті – сповідальність; розглядаються художні функції і типологія записів Печоріна; підкреслюється синкретичність жанру щоденника, що поєднує епічне оповідання з яскраво вираженою ліричністю. Дослідження «Журналу Печоріна» в контексті заявленої проблеми дозволило встановити взаємозв'язок між концепцією роману і жанровою формою літературного щоденника лермонтовського героя.

Ключові слова: літературний щоденник, жанрова форма, специфіка розповіді, автобіографічність, документальність, сповідальність, типологія.

В настоящее время значение и актуальность дневниковой литературы подтверждается многочисленными исследованиями автодокументальных жанров. Дневнику как разновидности документальной литературы посвящены работы Егорова О.Г. «Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра: исследование», Михеева М.Ю. «Дневник как эго-текст: Россия XIX-XX вв.», Колядиной А.М. «Специфика дневниковой формы в повествовательной прозе М.Пришвина» и др.¹

Среди традиционно выделяемых в литературоведении дневниковых текстов (дневники писателей, дневник как жанровая разновидность художественной прозы), дневник литературного героя в структуре художественного произведения в наименьшей степени изучен в современной науке. Подчеркивая актуальность его изучения С.С. Николаичева пишет: «Обращение к дневнику в структуре художественного текста позволяет разработать типологию дневника, а также выявить специфику повествования в дневнике, проследить эволюцию этой формы» в литературе, изучить дневник как общекультурное явление.² В этом контексте небезынтересным представляется роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», в структуре которого значительной место отводится «Журналу Печорина», обладающего жанровыми признаками дневника.

Цель данной статьи – исследование «Журнала Печорина» с точки зрения жанрообразующих признаков литературного дневника. Цель обуславливает совокупность

*Савоськина Т. – кандидат филологических наук, доцент, Измаильский державный гуманитарный университет, Украина; e-mail: tatsavoskina71@gmail.com

¹ См.: Егоров О. Г. (2017), *Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра: исследование*, М.: Флинта. 280 с.; Михеев М. Ю. (2007), *Дневник как эго-текст: Россия XIX-XX вв.*, М.: Водолей Публишерс. 264 с.; Колядина А. М. (2006), *Специфика дневниковой формы в повествовательной прозе М. Пришвина...автореф. дис... к. филол. н.*, Самара, 21 с. URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/specifika-dnevnikovo-j-formy-povestvovaniya-v-proze-m-prishvina.html>

² Николаичева С. С. (2014), «Дневниковый фрагмент» в структуре художественного произведения...автореф. дис...к. филол. н., Нижний Новгород, 22 с. URL: <http://cheloveknauka.com/dnevnikovyy-fragment-v-strukture-hudozhestvennogo-proizvedeniya>

задач, позволяющих не только расширить представление о лермонтовском романе, но и систематизировать теоретические положения, имеющиеся в науке. Вектор исследования предполагает изучение лирического дневника Лермонтова как претекста «Журнала Печорина» в романе, уяснения причин включения дневниковых записей в структуру художественного текста, специфики повествовательной структуры, осмысление типологии записей и установление взаимосвязи между концепцией романа и жанровой формой дневника Печорина.

Являясь частью мемуарной литературы, дневник обладает собственными жанровыми критериями. Для дневникового текста характерна особая форма повествования от первого лица в виде подневных записей, воссоздающих события, происходящих в настоящее время. Такой способ организации повествования сближает дневник с хроникой и одновременно указывает на существенные различия. Систематизирующим фактором в хронике выступает время, а в дневнике – исповедальность, интимность переживаний, детерминированных потребностями самовыражения. Таким образом, дневник тяготеет к синкретичному жанру, представляющему собой эпическую форму с элементами лирического повествования.

Дневник литературного персонажа является ведущей формой в структуре романа М.Ю. Лермонтова с точки зрения содержательности и объема занимаемого художественного пространства. Концепция современной личности в романе Лермонтова нашла свое воплощение в оригинальных композиционных решениях. Смысловый эпицентр романа обусловил субъектные формы его нарратива. Эпическое содержание писатель осваивает не только в жанре путевых записок (первая часть романа), но и дневника (вторая часть романа) – «Журнал Печорина», представляющий собой «текст в тексте». Записи «героя времени» обладают автономностью и особым образом включены в структуру романа. В предисловии автор мотивировал обращение к форме дневника интересом к «истории души человеческой», «особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление. Исповедь Руссо имеет уже тот недостаток, что он читал ее своим друзьям»³. Подчеркивая предельную исповедальность, интимность переживаний своего персонажа, Лермонтов тем самым закрепил за «Журналом Печорина» один из ведущих жанрообразующих признаков дневника.

Три произведения («Тамань», «Княжна Мери», «Фаталист»), вошедшие в «Журнал Печорина», воссоздают как события, так и внутренние состояния личности, отражающие знаковые черты социокультурного пространства своего времени. В «Тамани» Печорин повествует об образе жизни местных контрабандистов и о своем вмешательстве в чуждый и опасный для него мир. Нарративный вектор «Княжны Мери» – это рассказ героя о стратегически выверенной игре с пошлым провинциальным миром «водяного общества», подобного петербургскому свету, в омуте которых гибнет все лучшее. «Фаталист» завершает биографию Печорина, связанную с философским спором в обществе офицеров-игроков о фатальной предопределенности в личной жизни с его трагической развязкой. Если автобиографичность и документальность «Тамани» и «Фаталиста» создают «иллюзию» дневника, то «Княжна Мери» полностью реализует жанровые возможности дневника.

Повесть «Княжна Мери» органично связана с эпистолярной культурой первой половины XIX века и стихотворным дневником раннего Лермонтова. Как компетентно установил А. Н. Веселовский, в России дневник вошел «в моду» в эпоху формирования романтизма, утверждающего ценность духовной жизни личности. Становление документального жанра ученый соотносит с именами В.А. Жуковского, братьев Тургеневых, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина. Однако активизируется интерес к эго-документу в 30-е годы XIX века, после поражения восстания декабристов, когда в обществе усилился подъем чувства личности. Новое мироощущение молодого поколения,

³ Лермонтов М.Ю. (1990), *Сочинения в 2-х т. [Сост. И комм. И.С. Чистовой]*, М.: Правда, Т. 2, С. 498.

сформировавшись вопреки неблагоприятным общественным обстоятельствам в России, нашло самовыражение в дневниках, письмах, мемуарах, автобиографиях, общим свойством которых стала исповедальность. Субъективными переживаниями и самоанализом внутренней жизни отмечены письма и дневники членов премухинского кружка: М. А. Бакунина, его сестер, их приятельниц – сестер Беер, а также Белинского, Станкевича, Боткина и др. Дневниковое начало проникает и в художественную литературу. Начинается «процесс взаимообогащения: автоконцепция личности строится в дневнике с оглядкой на литературу; в свою очередь, литература не может не учитывать тенденции, которые так ярко обнаруживаются в документальных жанрах». ⁴

В атмосфере всеобщего исповедания рождалась поэзия Лермонтова. Поэт не оставил после себя личных дневников, но создал целый цикл стихотворений, представляющих, по справедливому мнению исследователей, лирический дневник, воссоздающий духовную биографию поэта. В него вошли стихотворения, написанные до 1832 года, в частности: «1830. Майя, 16 число»; «1830 год Июля 15-го (Москва)»; «10 июля (1830)»; «30 июля. – (Париж). 1830»; «Стансы – (1830 года) (26 августа)»; «1831-го января; 1831-го июля 11 дня» и другие. Доминирующей проблемой дневника Лермонтова-поэта, не предполагающего «сообщения с другой душой», является личность и автономия ее внутреннего мира. Его идейно-художественная целостность обеспечивается единством лирического субъекта с характерной для него активностью мыслительного процесса, неизменно переходящего в рефлексивность. Своеобразную функцию в этих произведениях выполняют даты и обозначение места, фиксирующие у поэта не столько достоверность событий, сколько этапы духовно-психологической эволюции лирического субъекта. Дневниковые стихотворения образуют своеобразный центр, к которому примыкают такие специфические жанровые образования, обозначенные поэтом, как «монолог», «отрывок», «исповедь». Они ассоциируются со страницей или фрагментом дневника, который пишет для себя человеческая личность, размышляющая о себе и мире с позиции высокой бытийности.

Юношеский дневник поэта во многом явился «рабочим» материалом для «Журнала Печорина», в котором особое место занимает «Княжна Мери»; она отлита в «чистую» форму дневниковой исповеди. Печорин здесь выступает одновременно субъектом и объектом повествования. Его записи репродуцируют коммуникативную ситуацию лирического дневника Лермонтова, исключая диалог с «чужим» сознанием. Собственное «я» в качестве 2-го лица-адресата выделяется Печориным в записи от 3-го июня: «...этот журнал пишу я для себя, и, следовательно, все, что я в него ни брошу, будет со временем для меня драгоценным воспоминанием». ⁵

«Княжну Мери» сближает с дневниковыми стихами Лермонтова интровертная установка субъектов. Проблема самопознания организует материал духовной летописи условных авторов в лирике и прозе. В «боренье дум» осмысливаются ими многие философско-этические проблемы (смысл жизни, любовь, воля и рок, смерть), занимавшие сознание самого поэта и его поколение. Однако, в первую очередь, идейно-нравственные поиски рефлектирующей личности направлены на постижение собственной миссии в мире. Она верит в свое высокое предназначение. Ср.:

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне⁶;
... неведомый пророк
Мне обещал бессмертье;⁷

⁴ См.: Ермоленко С. И. (1991), Характер монолога в ранней лирике М.Ю Лермонтова («1831-го июня 11 дня», Проблема стиля и жанра в русской литературе XIX века, Свердловск: Свердлов. пед. ин-тут, С. 24 .

⁵ Лермонтов М. Ю. (1990), Сочинения в 2-х т... Т. 2, С. 540-541.

⁶ Лермонтов М. Ю. (1990), Сочинения в 2 т...Т. 1, С. 50.

⁷ Там же, С. 73.

«Зачем я жил? Для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные».⁸ Идея самопознания «внутреннего» человека у Лермонтова теснейшим образом связана с проблемой действия. Поколению 30-х годов, свидетелю больших социальных потрясений в общеевропейской истории, разгрома декабристов, была очень близка мысль о свободной духовной деятельности как основе проявления свободы воли в немецкой идеалистической философии. Это идеалистическое положение своеобразно преломилось в мировоззрении и творчестве Лермонтова. Активности сознания, являющейся у Фихте и Гегеля имманентной, исходящей из субстанциональной свободной деятельности, поэт противопоставил волевое, героическое начала в человеке, направленные на познание и управление реальной жизнью субъекта. Е. Н. Михайлова, отмечая значимость категории действия для лермонтовской концепции личности, констатирует: «Существенной чертой лермонтовского изображения человека является показ его в активных проявлениях характера и психологии».⁹ Действительно, острую потребность в гражданской деятельности и героическом подвиге испытывает лирический субъект, о чем свидетельствует одна из его поэтических записей:

Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.¹⁰

«Журнал» убедительно раскрывает активность его автора, проявляющаяся как в авантюрных и рискованных поступках, так и в побуждениях, стремлениях, мотивах персоналии. В одной из записей Печорина читаем: «Идеи – создания органические, сказал кто-то: их рождение дает уже им форму, и эта форма есть действие; тот, в чьей голове родилось больше идей, тот больше других действует; от этого гений, прикованный к чиновническому столу, должен умереть или сойти с ума...»¹¹

Действие для лермонтовского «человека» становится критерием его самопознания. В качестве эпиграфа к художественным дневникам писателя по праву можно вынести философскую сентенцию Гете: «Как можно познать себя? Не путем созерцания, а только путем деятельности».¹²

Лермонтову удалось выразить в своем творчестве одну из тенденций своего времени – развитие передовой философской и эстетической мысли – движение ее к реализму, выход в действительность из состояния мечтательности и романтической замкнутости через «действие».¹³ Откровением художественных дневников писателя является принципиально новое понимание детерминизма современной личности. Ему удалось с исключительной остротой воссоздать основное противоречие своей эпохи – конфликт между внутренней и внешней жизнью человеческой индивидуальности. Ни Печорину, ни лирическому субъекту так и не удастся адекватно реализовать свои необыкновенные задатки в пределах исторически уготованной им участи. Ясное осознание непреодолимого разрыва между необычайно интенсивной внутренней созидательной работой и «жалкостью действий» обуславливает трагические переживания героев:

«Но вере теплой опыт холодный
Противуречит каждый миг,
И ум, как прежде безотрадный,
Желанной цели не достиг;

⁸ Лермонтов М. Ю. (1990), *Сочинения в 2-х т...* Т. 2, С. 564.

⁹ Михайлова Е. Н. (1957), *Проза Лермонтова*, М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, С. 188.

¹⁰ Лермонтов М. Ю. (1990), *Сочинения в 2-х т...* Т.1, С. 77.

¹¹ Там же, Т. 2, С. 540.

¹² Гете И. В. (1964), *Избранные философские произведения*, М.: Наука, С. 373.

¹³ См.: Уразаева Т.Т. (1977), *О философских и эстетических основах новеллистического жанра у Лермонтова*, Проблемы метода и жанра, Томск: Изд-во Томского ун-та, Вып. 4, С. 49.

И сердце, полно сожалений...»;¹⁴

«Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений – лучший цвет жизни».¹⁵ Невозможность осуществления своей мечты и надежды они связывают то с ближайшим светским окружением, где господствуют «злато», «приличья цепи» и обман, то с дисгармоничностью человеческой природы:

«Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным...»¹⁶

«..целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных противоречий сердцу или рассудку», а порой объясняют вмешательством судьбы: «Неужели, думал я, мое единственное назначение на земле – разрушать чужие надежды? С тех пор, как я живу и действую, судьба как-то всегда приводила меня к развязке чужих драм... Какую цель имела эта судьба?...»¹⁷

Переключка между философско-нравственными мотивами печоринского дневника и стихотворениями, ориентированными на эту же жанровую форму, намечает общие тенденции в мировосприятии и самопознании лирического «я», главного персонажа повести и подлинного автора. Вследствие этого возникает система «сообщающихся» субъектных сфер, благодаря которым становятся возможны широкие обобщения, образующие лирико-символический подтекст дневниковой повести.

Специфические свойства дневника проявляются в «Княжне Мери» в последовательность регулярных записей главного персонажа, в которых события, произошедшие в конкретном месте и в определенные часы, интерпретируются им как вехи духовной жизни. В результате удельный вес непосредственных рассуждений и переживаний в произведении повышается. Повествовательная форма печоринского дневника способствовала более глубокому в сравнении с лирикой проникновению во внутренний мир личности. Если в поэтическом дневнике Лермонтова мысли и чувства лирического «я» не столько развиваются, сколько констатируются, то журнал подневных записей Печорина представляет образец аналитического разбора собственного противоречивого психологического состояния и поведения с учетом мотивов и намерений. Благодаря широким возможностям эпического рода литературы, в дневниковой повести осваиваются различные формы самовыражения личности: сиюминутная внутренняя речь героя, протекающая параллельно действию, ретроспективное осмысление своих психологических состояний и мотивов поведения, исповедь перед собеседником и др. Рассмотрим некоторые из них. «Презенс изложения» или самоанализ, протекающий синхронно процессу непосредственного переживания, фиксируется в записи Печорина от 14-го июня: «Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю и других?.. Я стал не способен к благородным порывам; я боюсь показаться смешным самому себе...надо мною слово жениться имеет какую-то волшебную власть; как бы страстно я ни любил женщину, если она мне даст только почувствовать, что я должен на ней жениться, – прости любовь! Мое сердце превращается в камень, и ничто его не разогреет снова. Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продам. Отчего я так дорожу ею? Что мне в ней?.. куда я себя готовлю? Чего я жду от будущего?.. Право, ровно ничего...».¹⁸ В этом монологе время переживаний и размышлений совпадает со временем их изображения. Прерывистое, взволнованное членение фразы, эмоциональные паузы, восклицательная и вопросительная интонации передают напряженность душевной жизни Печорина, его

¹⁴ Лермонтов М. Ю. (1990), Т. 1, С. 86.

¹⁵ Лермонтов М. Ю. (1990), Т. 2, С. 564.

¹⁶ Лермонтов М. Ю. (1990), Т.1, С. 78.

¹⁷ Лермонтов М.Ю. (1990), Т. 2, С. 546.

¹⁸ Лермонтов М. Ю. (1990), Т. 2, С. 557-558.

стремление познать собственное «Я». На «прямую передачу» мысли и чувств персонажа ориентированы внутренние монологи: «С тех пор как поэты пишут и женщины их читают...»; «Я часто спрашиваю себя...»; «Нет ничего парадоксальнее женского ума...; Пробегаю в памяти все мое прошедшее...» и др.

Однако, как не раз указывали исследователи, преобладающая часть записей дневника Печорина сочетает ретроспективное изложение событий с выражением того, что переживается или думается «здесь» и «сейчас». В этом смысле показателен отрывок, в котором Печорин рассказывает о многообразии ощущений, чувств и мыслей, испытанных им после неудачной погони за экипажем Веры Лиговской. Он пишет: «Я упал на мокрую траву и как ребенок заплакал. И долго лежал неподвижно и плакал горько, не стараясь удержать слез и рыданий; я думал, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровие исчезли как дым; душа обессилела, рассудок замолк, и если б в эту минуту кто-нибудь меня увидел, он бы с презрением отвернулся».¹⁹

В монологе наблюдается два временных разрыва: Печорин размышляет по поводу своих эмоций спустя некоторое время после неудавшегося преследования, а запись в дневнике появляется через полтора месяца после драматических событий. Повествование здесь организуется как воспоминание-анализ, позволяющее персонажу рационально осмыслить свои неоднозначные чувства, разобраться в них. Этот фрагмент представляет один из вариантов «анатомической таблицы» сложных и противоречивых состояний героя, его рефлексии, являющейся, по убеждению Лермонтова, необходимой формой самопознания и «самопостроения» развитой личности.²⁰

Приведенные примеры свидетельствуют, что дневниковый материал «Княжны Мери» организует не столько эпическое течение событий, сколько внутренняя коллизия Печорина. И в этом смысле творческий опыт Лермонтова предшествовал не только «диалектике души» Л.Н. Толстого, но и углубленному «парадоксальному» психологизму М.Ф. Достоевского. Стиль дневника Печорина определяет информационное, аналитическое и эстетически нагруженное слово. Высокая мера точности, лаконизма и достоверности присутствует в печоринском описании Елисаветинского источника, где собирается «водяное общество»: «На площадке близ него построен домик с красной кровлею над ванной, а подалее галерея, где гуляют после дождя. Несколько раненых офицеров сидели на лавке, подобрав костыли, – бледные и грустные. Несколько дам скорыми шагами ходили взад и вперед, ожидая действия вод. Между ними были два-три хорошеньких личика».²¹ Дневниковые отрывки, ориентированные на анализ душевной жизни, тяготеют к афористичности, чеканным словесным формулам, содержащим умозаключения рефлектирующего героя: «Счастье – насыщенная гордость»; «зло порождает зло»; «честолюбие есть не что иное, как жажда власти»; «первое страдание дает понятие об удовольствии мучить другого».²² Таким образом, содержание, строение и язык дневникового текста «Княжны Мери» позволяет классифицировать его как «дневник – аналитическая исповедь».

Подводя итоги изучения литературного дневника Печорина в структуре лермонтовского романа, акцентируем внимание на том, что лирический потенциал дневниковой формы повествования проявляется в «Журнале» неравномерно. Если в повествовании «Княжны Мери» исповедальность превалирует, то в «Тамани» и «Фаталисте» его удельный вес существенно снижается. В этих новеллах утрачиваются специфические признаки дневника: отсутствуют датировка, происходит переориентация повествования с исповедального на событийное. Однако «личностное самоощущение» здесь не исчезает полностью, оно проявляется в стилистике повествования, в лапидарных формах самовысказывания, выражающих мысли, эмоции Печорина, его отношение к

¹⁹ Там же, С. 576-577.

²⁰ Удодов Б. Т. (1989), *Роман Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»*, М.: Просвещение, С. 62.

²¹ Лермонтов М. Ю. (1990), *Т. 2*, С. 511.

²² Там же, С. 540.

внешнему миру. Поэтому смена нарративных планов в романе не снимает вопроса о дневниковой направленности «Журнала Печорина» в целом. В записках «героя времени» сохраняются жанровые критерии дневника: синхронность, определяющая способ отражения действительности; автокоммуникативность, предполагающая совпадение между собой адресата и адресанта; датировка записей как структурообразующее начало повествования; исповедальность. Дневник у Лермонтова становится художественным приемом самопознания и самоидентификации героя-современника. Следуя классификации жанровых разновидностей дневников, предлагаемой О. Г. Егоровым²³, «Журнал Печорина» ориентирован одновременно на экстравертивный и интровертивный типы дневника.

REFERENCES

- Gete, I. V. (1964). *Izbrannyye filosofskiyе proizvedeniya* [Selected philosophical works]. M.: Nauka. 373 p. [in Russian].
- Yegorov, O. G. (2017). *Russkiy literaturnyy dnevnik devyatsatsatogo veka. Istoriya i teoriya zhanra: issledovaniye* [Russian literary diary of the nineteenth century. History and theory of the genre: research]. M.: Flinta. 280 p. [in Russian].
- Yegorov, O. G. (2002). *Dnevniky russkikh pisateley devyatsatsatogo veka: Issledovaniye* [Diaries of Russian writers of the nineteenth century: Research]. M.: Nauka. 288 p. [in Russian].
- Yermolenko, S. I. (1991). *Kharakter monologa v ranney lirike M.YU Lermontova* («1831-go iyunya 11 dnya») [The nature of the monologue in the early lyrics of M.Yu. Lermontov («June 1831, 11th day»)]. *Problema stilya i zhanra v russkoy literature devyatsatsatogo veka* [The problem of style and genre in nineteenth-century Russian literature]. Sverdlovsk: Sverdlov. ped. in-tut. P. 21-34. [in Russian].
- Kolyadina, A. M. (2006). *Spetsifika dnevnikovoy formy v povestvovatel'noy proze M. Prishvina* [The specifics of the diary form in M. Prishvin's narrative prose]. *Avtoref. dis... k. filol. n.* Samara. 21p. [in Russian] URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/specifika-dnevnikovoj-formy-povestvovaniya-v-proze-m-prishvina.html>.
- Mikheyev, M. YU. (2007). *Dnevnik kak ego-tekst: Rossiya devyatsatsatogo-dvadsatsatogo vekov*. [Diary as an ego text: Russia of the nineteenth and twentieth centuries]. M.: Vodoley Publishers. 264 p. [in Russian].
- Nikolaicheva, S. S. (2014). «Dnevnikovyy fragment» v strukture khudozhestvennogo proizvedeniya [«Diary fragment» in the structure of the artwork]. *Avtoref. dis...k. filol. n.* Nizhniy Novgorod. 22 p. [in Russian]. URL: <http://cheloveknauka.com/dnevnikovyy-fragment-v-strukture-hudozhestvennogo-proizvedeniya>.
- Lermontov, M.YU. (1990). *Sochineniya v 2-kh t.* [Sost. I komm. I.S. Chistovoy] [Lermontov Works in 2 tons]. M.: Pravda. [in Russian].
- Udodov, B. T. (1989). *Roman.YU. Lermontova «Geroy nashego vremeni»* [Roman.Y. Lermontov «Hero of Our Time»]. M.: Prosveshcheniye. 191p. [in Russian].
- Urazayeva, T.T. (1977). *O filosofskikh i esteticheskikh osnovakh novellisticheskogo zhanra u Lermontova* [On the philosophical and aesthetic foundations of the novelistic genre in Lermontov]. *Problemy metoda i zhanra* [Problems of method and genre]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta. Vyp. 4. P.71-83. [in Russian].
- Galenko, O. (2005). *Elitni vershnyky Assyriyi ta pochatky rabotorgivli u Skhidniy Evropi*. [Elite cavalry of Assyria and begin of Slave-trade in Eastern Europe] *Skhindnyi Svit* [The world of Orient] № 1, p. 34–52 [in Ukrainian].
- Gerodot, (1972). *Istoriya* [History]. L.: Nauka. 600 p. [in Russian]

²³ Егоров О. Г. (2002), *Дневники русских писателей XIX века: Исследование*, М.: Наука, С. 7.

Savoskina T. The structure of the novel by M.Yu. Lermontov «The hero of our time» and the literary diary of the hero

The article is devoted to the studying of the genre properties of the hero's literary diary based on the «Pechorin's Magazine», the material is included in the structure of the novel by M. Yu. Lermontov «Hero of Our Time». Attention is focused on the specifics of Pechorin's diary entries in Taman and Fatalist, which manifests itself in a special form of first-person narrative, text autobiography and documentary presentation. Despite the fact that in these novels the specific features of the diary are lost: there is no dating, the narration is reoriented from the confessional to the event, but at the same time the «personal sense of self» does not completely disappear here. It manifests itself in the style of narration, in brief forms of self-expression, expressing Pechorin's thoughts and emotions, his attitude to the outside world. It is proved that the genre possibilities of the diary are most fully realized in the story «Princess Mary». In this connection, an evolution is traced from Lermontov's lyric diary to Pechorin's dated records in «Princess Mary», which recreate real-time events; one of the main genre-forming signs of the diary story is being updated – confessional, which determines the style of the diary story: accuracy, conciseness and aphoristic words. It is summarized that by the content, structure and language of «Princess Mary» can be classified as «diary – analytical confession». In general, the «Pechorin Magazine» preserves the diary's genre criteria: synchronicity, which determines the way of reflecting reality autocommunicative, suggesting a match between the addressee and the addressee; dating of records as a structural beginning of the story; confession. The diary of Lermontov becomes an artistic method of self-knowledge and self-identification of the contemporary hero. «The Pechorin's Magazine» is focused simultaneously on the extravertive and introvertive type of diary.

Key words: literary diary, genre form, narrative specificity, autobiography, documentary, confessional, typology.